

Говоривший книжник был одет в серый стеганый халат. Хотя он и ютился в тесном навесе для раздачи каши, выглядел вполне опрятно и аккуратно. В его облике читалась спесь, а на нищих неподалеку он посматривал с откровенным презрением.

Почувствовав презрение, нищие уставились на него недобрыми взглядами. Самый старый из них жестом призвал остальных к спокойствию и обратился к книжнику:

— Мы, нищие, людям ученым не пара. Но даже мы знаем: нельзя плювать в колодец, из которого пьешь. Если господину так не по нраву Бэйчжань-ван, то почему же вы сами ютитесь под навесом поместья Бэйчжань-вана?

Все в округе знали, что навесы для бесплатной каши за городом возведены поместьем Бэйчжань-вана. Когда в Ецзине взлетели цены на рис и зимнюю одежду, лишь лавки поместья Бэйчжань-вана удерживали прежнюю стоимость. Только благодаря этому люди и смогли свести концы с концами. А там и остальные торговцы, увидав, что по завышенным ценам никто ничего не покупает, поневоле сбавили ценники.

Каждое из этих благодеяний жители Ецзина помнили и ценили. И пусть, если разобраться, все это устраивал ванфэй, никто больше не смел молвить и худого слова о Бэйчжань-ване. Ведь не даром говорят: супруги — единое целое. Разве мог князь не знать о добрых делах ванфэй?

Что же до сплетен, которыми прежде наполнились улицы и переулки, их теперь воспринимали не более чем как забаву. Собственными глазами никто ничего не видел, а вот оказанная помощь была самой что ни на есть настоящей. Любой человек, у кого осталась хоть капля совести, если и сомневался в душе, на словах уже не смел порочить князя.

Кто бы мог подумать, что грамотные ученые окажутся глупее неотёсанной чернорабочей братии, не знающей даже грамоты.

Сказавший это книжник залился краской от досады. Он замялся на мгновение, а потом, упрямо вытянув шею, запальчиво выкрикнул:

— Бэйчжань-ван лишь исполняет императорский указ о помощи пострадавшим! Это его прямая обязанность! И если кого и благодарить, так нашего ныне правящего Государя!

— К тому же не забывайте: он однажды заживо похоронил десятки тысяч пленных! Столь жестокий человек, выбив бэйдийцев, завтра же начнет убивать подданных Да Е ради собственной забавы!

Чем больше книжник говорил, тем увереннее становился.

— Поднебесная Да Е держится на милосердии и сыновней почтительности, — горделиво произнес он. — Столь кровожадного и жестокого военачальника ни в коем случае нельзя прославлять!

— Чушь собачья! — плюнул в его сторону совсем юный попрошайка. — Бэйдийцы — сплошь твари и душегубы! Если их не убить, то отпустить, чтобы они снова пришли резать жителей Да Е?!

— Вот именно! Только добро переводишь на свои книги, а ума не нажил!

— Я и грамоте не обучен, а соображаю получше твоего!

В последнее время малые оборванцы больше всего любили слушать сказителей, поющих о Бэйчжань-ване и его ванфэй. Вслед за этим и прежний страх перед Бэйчжань-ваном сменился горячим восхищением. Каждый из них мечтал стать великим героем, разящим врагов на поле боя, и терпеть не мог, когда о князе отзывались дурно.

От бранных слов ребятишек книжник то краснел, то бледнел. Он непроизвольно оглянулся, ища поддержки у своих спутников, но обнаружил, что те давным-давно отсели подальше и ни один не собирается за него вступаться.

Заметив его взгляд, один из приятелей даже заметил:

— Учителя наставляли нас соблюдать ритуал, долг, честность и стыд. Раз уж мы приняли благодеяние, следует хранить благодарность в сердце, а не уподобляться неблагодарным и бесстыдным людям.

Книжник огляделся по сторонам — кругом были лишь презрительные лица. Не найдя никого, кто поддержал бы его, он лишь возмущенно фыркнул, взмахнул рукавами и выбежал из-под навеса.

Вслед ему раздался крик мальчишки-нищего:

— Коли такой умный, больше сюда не приходи!

Ань Чанцин и понятия не имел об этой стычке на другом конце навеса. Тем более он не догадывался, что слава о Бэйчжань-ване Сяо Чжигэ понемногу начинала меняться. В этот момент он сидел под навесом, с трепетом вглядываясь в сторону военного лагеря и крепко прижимая к груди узел с вещами для Сяо Чжигэ.

В его душе еще теплилась надежда: пока Те Ху остается с ним, Сяо Чжигэ не должен отправиться в путь сразу, не заскочив попрощаться.

Едва он об этом подумал, как стоявший за спиной Те Ху произнес:

— Кто-то едет!

Ань Чанцин стремительно поднялся и уставился на дальний тракт. По заснеженной дороге во весь опор мчался всадник. За его спиной холодно блестело копьё из вороненой стали, поднимая за собой вихри снега.

— Это князь, — сказал Те Ху.

Не успело эхо его слов утихнуть, как Ань Чанцин, подхватив узел, выбежал наружу.

Метель за стенами навеса разбушевалась с новой силой, но Ань Чанцин не чувствовал холода. Он не сводил глаз с приближающейся фигуры, и улыбка на его лице становилась все шире.

К счастью, Сяо Чжигэ не уехал тотчас же! У Ань Чанцина оставалось еще столько слов, которые он не успел ему сказать.

Обладая отличным зрением, Сяо Чжигэ издали заметил хрупкую фигуру, ждущую его посреди снежной бури. Он взмахнул плетью, пришпорил коня и в мгновение ока оказался перед ним.

Ань Чанцин был облачен в его лисью шубу, усыпанную хлопьями снега, но его глаза сияли радостью:

— Как хорошо, что я остался ждать... Успел хоть наглядеться напоследок.

Вспомнив кое о чем, он торопливо вложил узел ему в руки:

— Я приготовил еды в дорогу и крепкого вина. Возьми с собой, князь.

Сяо Чжигэ вздохнул, пристегнул свёрток к седлу, бережно смахнул снег с его плеч и, сжав посиневшие от холода пальцы юноши, стал тихонько согревать их в своих ладонях:

— Почему не остался в поместье? Здесь же холод собачий.

— Боялся, что не успею, — признался Ань Чанцин. Он знал, что покинув дворец, Сяо Чжигэ отправился напрямик в военный лагерь за городом. В обстановке строгой военной спешки было неизвестно, заглянет ли князь в поместье. Поэтому Ань Чанцин и решил ждать у городских ворот: так он сбережет Сяо Чжигэ время, чтобы тому не пришлось лишний раз ездить туда и обратно.

Сяо Чжигэ тихо и коротко усмехнулся, коснулся пальцами его щеки и вполголоса наказал:

— Я немедленно отправляюсь в Яньчжоу. Все дела поместья князя оставляю на тебя. Те Ху тоже остается, чтобы защищать тебя. Кроме того, в лагере за городом я оставил две сотни личных гвардейцев. Если случится беда, пусть Те Ху возьмет мою печать и приведет людей.

Сделав паузу, он крепко прижал юношу к себе и шепнул на ухо:

— ...Жди моего возвращения.

Разлука стояла у порога. Князь не умел говорить красивых слов утешения, и лишь крепкие, сильные объятия выражали всю глубину его тоски.

Ань Чанцин с нежностью потерся лицом о его грудь, затем слегка отстранился и серьезно произнес:

— Желаю князю одержать скорую победу и с триумфом вернуться. Я... я буду ждать тебя в поместье.

Сяо Чжигэ пристально посмотрел на него, затем повернулся к Те Ху и чеканно произнес:

— Защищай ванфэй любой ценой. Это военный приказ!

Выражение лица Те Ху мгновенно изменилось. Ранее он в душе досадовал, что не едет в Яньчжоу, однако суровый тон полководца заставил его осознать всю важность безопасности ванфэй. Он немедленно опустился на одно колено прямо в снег:

— Подчиняюсь приказу!

— Я поехал.

В последний раз взглянув на Ань Чанцина, Сяо Чжигэ стремительно вскочил в седло и на этот раз уже не оглядывался.

Ань Чанцин стоял на снегу до тех пор, пока силуэт Сяо Чжигэ окончательно не растворился вдаль, и только тогда очнулся от цепенеющего оцепенения. Еще недавно у него была тысяча слов, но встретив его, он обо всем забыл. Досадливо сжав кулак, Ань Чанцин посмотрел на оставшиеся на снегу следы копыт и тихо сказал:

— Возвращаемся.

Двадцать пятого числа второго месяца Бэйчжань-ван во главе восьми сотен верных воинов день и ночь мчался в Яньчжоу.

Первого числа третьего месяца из Яньчжоу со срочной курьерской вестью прибыло донесение: бэйдийский Солнечный ван Хуянь Атэ во главе пятидесятитысячного войска элитных воинов пошел штурмом на округ Яньюнь.

Десятого числа третьего месяца в Ецзине наконец утих снегопад, продолжавшийся с перерывами почти месяц. Серое тусклое небо стало проясняться, сугробы начали таять, обнажая пробивавшиеся из-под снега нежные зеленые ростки.

Весна наконец наступала.

Горожане, целыми днями прятавшиеся в домах, вышли расчищать снег. Столичный градоначальник также отрядил стражников на расчистку улиц. Прошло всего дня три-пять, и в Ецзине почти не осталось следов снежных завалов — повсюду пробивалась свежая зелень.

Навесы с кашей за городом разобрали. Запасы риса и зимней одежды в лавках почти иссякли. Ань Чанцин с приказчиками подвел итоги: на зимнее платье, белый рис и древесный уголь ушел миллион триста тысяч лянов серебра. Рис и одежду распродали по обычным ценам, а почти половину раздали нуждающимся. По этим статьям удалось выйти в ноль, едва вернув затраченное. А вот уголь принес огромную прибыль: с пятнадцати тысяч цзиней угля выручили почти семьсот тысяч лянов серебром.

Ань Чанцин раздал приказчикам щедрые награды и лишь после этого в сопровождении Чжоу Хэланя вернулся в поместье князя.

В поместье князя остался лишь один хозяин. Ань Чанцин целый день пропадал снаружи, объезжая поместья и лавки, отчего даже слуги подмечали, что с отъездом князя в доме стало совсем пусто и тихо.

Умывшись и переодевшись, Ань Чанцин опустился на постель в одиночестве. Он коснулся прохладного одеяла и тихо вздохнул. Привычка — страшная штука: она незаметно заставляет тебя привыкнуть к чьему-то присутствию, а потом вынуждает привыкать к его отсутствию.